

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

•
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ
И ЛЕКСИКОГРАФИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

•
ГРАММАТИКА
(РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Материалы секций
XLI Международной филологической конференции

*26–31 марта 2012 г.,
Санкт-Петербург*

Ответственные редакторы:

«История русского языка и культурная память народа»:

д-р филол. наук, проф. **О. А. Черепанова**,

«Историческая лексикология и лексикография русского языка»:

д-р филол. наук, проф. **Е. И. Зиновьева**,

«Грамматика (Русско-славянский цикл)»:

д-р филол. наук, проф. **Г. Н. Акимова**

История русского языка и культурная память народа / Отв. ред. И90 О. А. Черепанова; **Историческая лексикология и лексикография русского языка** / Отв. ред. Е. И. Зиновьева; **Грамматика (Русско-славянский цикл)** / Отв. ред. Г. Н. Акимова: Материалы секций XLI Международной филологической конференции, 26–31 марта 2012 г., С.-Петербург — СПб., 2012. — 156 с.

ISBN 978-5-8465-1303-7

ББК 81.2

Примечания

¹ В фигурных скобках указываются ссылки на язык-источник или литературный источник, расположенные в рукописи над толкуемым словом или на полях.

² К о в т у н Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 23–31.

³ По определению Л. П. Жуковской, «лексические варианты для древних славянских памятников — это два слова или группа слов, тождественных или близких по значению и потому взаимно заменявшихся в разных славянских списках одного и того же памятника» (Ж у к о в с к а я Л. П. Лексические варианты в древних славянских рукописях // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 6).

⁴ Дорофея аввы поучения, рукопись РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, 163 (1719), XIV в., 188 л. (л. 99).

⁵ Д в о р е ц к и й И. Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. Т. 1. М., 1958. С. 515.

⁶ Инока Максима Грека Слово душеполезно зѣло внимающимъ ему. Бесѣдуеть умь къ души своей. Въ немже и на лихоимство // Сочинения преподобного Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии. Ч. 2: Нравоучительные сочинения Максима Грека. Казань, 1860. С. 13.

⁷ Инока Максима Грека Слово на хульники Пречистыя Божия Матери // Сочинения преподобного Максима Грека, изданныя при Казанской Духовной Академии. Ч. 1. Казань, 1859. С. 506–507.

⁸ Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. СПб., 1999. С. 160.

⁹ Сказание о святой Афонской горе игумена русского Пантелеймонова монастыря Иоакима и иных святогорских старцев (Из сборника Синодальной библиотеки, № 272, конца XVII в.) / Сообщил архим. Леонид. СПб., 1882. С. 23.

¹⁰ Иоанна Лествичника лествица, рукопись РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, 10 (2028), 1334 г., 216 л. (л. 136 об.).

¹¹ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица и Слово к пастырю. Сергиев Посад, 1894. С. 188.

¹² Житие преподобного отца нашего Онуфрия Великого / Изложено на русском языке по руководству Четых-миной св. Димитрия Ростовского с объяснительными примечаниями. М., 1908. С. 20–21.

Я. Ю. Коваленко

Санкт-Петербургский государственный университет

ЧАСТНЫЕ ПИСЬМА МОСКОВСКОЙ РУСИ XVII в.: СТРУКТУРА И ЯЗЫКОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ

(на материале «Актов Иверского Святоозерского монастыря»)*

В сборнике «Актов Иверского Святоозерского монастыря» [А. Ивер. м.], представляющем собой собрание различных документов XVII в.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-04-00423а).

© Коваленко Я. Ю., 2012

(грамот, отписок, челобитных, памятей и пр.), обращают на себя внимание 4 частных письма, которые приложены к изветной челобитной настоятеля Иверского монастыря в 1694–1695 гг., архимандрита Антония¹, по делу о пропаже монастырской казны и об исчезновении монастырского стряпчего Степана Лапезовского с подворья в Новгороде. Эти «воровские поругательные письма», как они названы в тексте самой челобитной, и поручительное письмо священника Мелентия Богдановского² включены издателями в этот сборник в связи с особым местом частной переписки в ряду других документов.

Частные письма отражают черты нескольких стилей: с одной стороны, в них отмечаются стандартные зачины и концовки, рекомендованные письмовниками того времени, создававшиеся под влиянием книжного стиля; с другой стороны, будучи по содержанию деловыми грамотками, письма содержат много устойчивых словосочетаний, штампов и клише, которые были в обиходе в канцелярско-деловом языке того времени. Однако письма, формально не являясь официальными бумагами, не были стеснены рамками документов, писались вольно, что являлось благоприятным условием для проникновения в них живой народной речи³. Таким образом, свобода выбора языковых средств отличала частные письма от других жанров деловой письменности XVII в.

Изучением частной переписки допетровской Руси занимались известные лингвисты С. И. Котков, Н. П. Панкратова, Н. И. Тарабасова, С. С. Волков, Н. Г. Самойлова и др.⁴ В их работах всесторонне исследовались структура и формуляр частных писем, а также различные эмоционально-экспрессивные, лексико-фразеологические и грамматические средства, характерные для частной переписки.

Исследователи отмечали, что, несмотря на сложившуюся структуру построения частного письма, твердо установленного и выдерживаемого порядка между компонентами не было, да и некоторые компоненты могли отсутствовать⁵. В нашем материале только одно письмо из А. Ивер. м. начинается так, как требовалось в письмовниках того времени и было самым распространенным его началом, заимствованным из челобитных, т. е. с указания на адресата в дательном падеже (имя, отчество), адресанта в именительном падеже (полуимя, фамилия) и челобитья — кому кто бьет челом, т. е. «приветствует, почтительно кланяясь»⁶:

Государю моему премногомилостивому Кондратью Петровичю Стенка Лапезовский челомъ бью [IV письмо, с. 947].

Во вводной части других писем адресант, его имя и фамилия не указываются. О нем мы узнаем в конце письма, где адресант подписался своим полным именем, фамилией и должностью:

Писавъ стряпчей Иверского монастыря Степанъ Лапезовский своею рукою [I письмо, с. 945];

Мелентей Богдановский священник Нацкий П. Борисовский рукою <...> [III письмо, с. 947].

Следует отметить, что писем, где имя адресанта чаще стоит или повторяется в конце, как и в современных письмах, все больше появляется именно к концу XVII — началу XVIII в.

Очевидно, что при переписке фактор личных взаимоотношений адресата и адресанта письма не может не оказать влияния на выбор языковых средств и типичных формул при его оформлении. Например, I и II письма написаны от нижестоящего (стряпчего) к вышестоящим по положению людям (архимандриту, монахам), с соблюдением этикетных формул, обязательных в таких случаях. Так, по одной из типичных формул, распространенной в частной переписке XVII в., формуле упоминания о себе, о своем положении, состоянии дел, конечно можно судить об отношении пишущего к адресату. В письме монахам стряпчий использует эту развернутую формулу, призванную вызвать понимание и сочувствие к его несчастной судьбе:

А о мнѣ грѣшнемъ и мизерномъ тѣразъ рабѣ своемъ, утонувшемъ въ неутѣшимыхъ и прискорбныхъ путѣхъ, и въ чюжихъ краехъ <...> страждущаго, изволите, хотя кланяя, <...> къ вамъ воспомянуть; ия <...> съ живущими кое гдѣ сиродско обрѣтаюся, яко лишенный свѣта, и яко Адамъ изгнанъ изъ рая, отъ неизглаголанной радости и отъ различныхъ пищей <...> [II письмо, с. 945–946].

А в письме архимандриту Антонию, подавшему на стряпчего изветную челобитную, мы видим краткую, но достаточно выразительную по тону фразу, явно трансформированную из типичной формулы упоминания о себе:

А о мнѣ теперь не пытайте: дегъ[тя] я дубу [т. е. честного, порядочного человека невозможно запятнать, опорочить], кто ни тымъ одаеть вѣнѣ; а небався [не мешкая] буду къ вамъ [I письмо, с. 944].

Еще одной особенностью частной переписки периода конца XVII — начала XVIII в. является постепенная замена старой формулы *бить челом* в значении ‘кланяться’, употреблявшейся в виде общего выраже-

ния вежливости в начале и в конце письма, на фразеологическое сочетание (*отдать поклон (низкий поклон) кому-л.* или же просто на глагол *кланяться*). Такие примеры мы можем увидеть в сборниках частных писем:

За сим рабъ твои [Евтифей] Конищев *отдаю поклон*. Апреля дня 27 [Грамотки, № 31, XVII — н. XVIII в.];

При семь слуга Иванъ Яблочковъ *кланяюся* [ИНРЯ, № 29, 1716 г.].

В письмах из А. Ивер. м., датируемых 1694 г., по количеству употреблений на первый план выступает именно устойчивое сочетание (*отдать*) (*низкий*) *поклон*. Например:

При тымъ *поклонъ* мой *низкий отдаю*, не могу чего писати, толко разъ кланяться <...> Особливе государю моему отцу архимандриту Антонию *низкий поклонъ*, <...> отъ отца его зопачи отъ Мелентия Богдановского *поклонъ*, о также и мачиха его кланяся [II письмо, с. 946–947].

Однако своеобразие «грамоток» беглого стряпчего заключается, в большей степени, в живости и выразительности изложения за счет большого количества польской, белорусской и украинской народной лексики⁷, которая редко встречается в известных нам изданных сборниках частных писем. В то время такую яркую языковую картину можно наблюдать только в текстах, написанных на русской «простой мове» — популярном в XVI — начале XVIII в. типе старого украинско-белорусского литературного языка⁸, в лексический состав которого входили общерусские слова, церковнославянизмы, украинизмы с полонизмами и латинизмами⁹.

Так, в письмах стряпчего можно выделить:

— польскую по происхождению лексику: *скрыночка* — *skrzyनिया*, *skrzyynka* ‘сундук, ящик’ [Фасм., т. 3, с. 657]:

А гдѣ положены [деньги] и въ котормъ мѣстѣ, на то была роспись въ *скрыночкѣ* [IV письмо, с. 947];

пан ‘господин’ [Фасм., т. 3, с. 195]:

Благословение мое оицовское (!) вамъ синомъ моимъ пересилаю черезъ *пана* Стехва Семеновича, страпчача новогороц(ко)го <...> [III письмо, с. 947];

зычливый — *zyczliwy* ‘благоволящий кому-л., желающий добра’ [СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 72]:

Вамъ усего добра *зычливый* отецъ и богомолца <...> Мелентей Богдановский священник Нацкий <...> [III письмо, с. 947];

кохати — *kochać* ‘любить’ [Фасм., т. 2, с. 356]:

Андрею Сназину Богдановичю <...> которую *кохает* Овцину <...> поклонь [I письмо, с. 944];

(с)ховати — *chówać* ‘прятать, скрывать, хранить’ [Фасм., т. 4, с. 252]:

Что де денег ни копейки не сыскали, а было *сховано* на розные расплаты <...> [IV письмо, с. 947] и др.

— латинизмы: существительное *мизерия* ‘бедность, убожество’ [Укр. сл. Гринч., т. 2, с. 422], образованное от прилагательного *мизерный* ‘бедный’, заимствовано через польск. *mizerny* из лат. *miser* ‘несчастный’ [Фасм., т. 2, с. 620]:

А я грѣшный, какъ *мизерья* пустая, отъ жены своей согнанный отъ пречюдных и славных обители святых [I письмо, с. 945];

А о мнѣ грѣшнемъ и *мизерномъ* теразь рабѣ своемъ, утонувшемъ въ неутѣшимыхъ и прискорбныхъ путѣхъ, <...> изволите, хотя кляня, <...> къ вамъ вспомянуть [I письмо, с. 945];

— народные украинские слова: *бавиться* ‘медлить, мешкать, тратить время’ [Укр. сл. Гринч., т. 1, с. 15]:

А *небавяся* буду къ вамъ [I письмо, с. 944];

А тебѣ Кандратей Петровичъ конечно денги заплачу, приѣду сеѣ осени на *бавяся* въ Невль [IV письмо, с. 948];

нехай ‘пусть, пускай’ [Укр. сл. Гринч., т. 2, с. 561]:

Да *нехай* не гуляють [I письмо, с. 944],

як ‘как’ [Укр. сл. Гринч., т. 4, с. 537]:

А что у васъ про мене *якъ* съ первого разу говорили, то все ко мнѣ писано [IV письмо, с. 948] и др.

— белорусизмы: *матца* — белорус. *маць*, др.-польск. *tać*, в.-луж. *taś*, н.-луж. *taś* [Фасм., т. 2, с. 583]:

Государю моему Ивану Ивановичю столнику Кветинскому, и матцѣ моей Анны Яковлевнѣ, и государыни моей Аннѣ Ивановнѣ, шире родней матцѣ, низкий поклонь [I письмо, с. 944].

— церковнославянизмы: *благопоспѣшение*, *благоприятие*, *вельбство*, *воздыхание*, *веселообразно*, *человѣцъ*, глагольные формы *послахъ*, *есмь уныль* и пр.

Деловой (актовый) язык сыграл такую же чрезвычайно важную роль в истории возникновения и развития «простой мовы» на Украине и в Белоруссии, как и в становлении русского литературного языка. Так, например, в письмах стряпчего можно встретить устойчивые сочетания из деловой письменности с лексемой *ласка* в значении ‘милость, благодетель, благосклонность, снисхождение’ [Фасм., т. 2, с. 461; СлРЯ XI–XVII, вып. 8, с. 173–174]: *просить ласку*, *упрашивать о ласке*, *отдавать ласкам кого-л.* или *быть на кого-л. ласковым*:

Прошу ласки по дорожѣ у пановъ и у всякихъ чиновъ людей и о пропускѣ до Великого Новагорода [I письмо, с. 945];

Асобиве приятемъ нашимъ далнимъ и ближнимъ низкий поклонь мой оаю и *упрашаю о ласку* [III письмо, с. 947];

А за тимъ самаго себе *ласкамъ вашимъ оаю* [III письмо, с. 947] —

Будте на него ласковы, по его [слуги] вѣрности годѣнь онъ всего добраго теперь не для мяне, но для самихъ васъ [I письмо, с. 944].

Пестрота и богатство компонентов русской «простой мовы» объяснялась культурно-историческими условиями жизни украинского народа, долгое время находившегося под влиянием Польши¹⁰. Как заметил известный филолог Б. А. Успенский¹¹, «простая мова» не оказала почти никакого влияния на современный украинский и белорусский литературный языки, однако на историю русского литературного языка она, как компонент юго-западнорусской языковой ситуации, оказала весьма существенное влияние.

Примечания

¹ Изветная челобитная архимандрита Антония, о побеге монастырского стряпчего Степана Лапезовского, и расспросы, учиненные работнику бежавшего Ивану Иванову. С 19 марта 1694 по 21 февраля 1695 г. [А. Ивер. м., № 389, с. 938–944, 1695 г.].

² Как видно из текста письма, М. Богдановский был родным отцом архимандрита Антония.

³ Самойлова Н. Г. Устойчивые сочетания в частной переписке XVII — начала XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. С. 5.

⁴ Котков С. И. Материалы частной переписки как лингвистический источник // ИНРЯ; Панкратова Н. П. Из истории частной переписки на Руси // Изучение русского языка и источниковедение / АН СССР. Ин-т рус. языка. М., 1969. С. 127–155; Котков С. И., Панкратова Н. П. Русская частная переписка XVII–XVIII вв. как лингвистический источник // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 107–116; Волков С. С. Эмоционально-экспрессивные средства частной переписки XVII в. // Историческая лексикология и лексикография. Вып. 8/ Отв. ред. О. А. Черепанова. СПб., 2010. С. 9; Тарабасова Н. И. Об одном фразеологизме в частной переписке XVII века // Исследование по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 147; Самойлова Н. Г. Указ. соч.

⁵ Демин А. С. О литературном значении древнерусских письменников // Русская литература. 1964. № 4. С. 99.

⁶ Волков С. С. Указ. соч. С. 10.

⁷ Стряпчий был уроженцем «польских земель», из города Шклова (ныне это белорусская территория). В XVII в. территория Белоруссии находилась в составе Великого княжества Литовского, объединенного на основе Люблинской унии с Польшей в одно государство под названием Речи Посполитой.

⁸ Существовало два варианта «простой мовы»: белорусский, более полонизированный, и украинский, более славянизированный (Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: Учебное пособие для ун-тов. М., 1981. С. 26).

⁹ Плющ П. П. Русская «простая мова» на Украине в XVI–XVIII веках // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 228.

¹⁰ Там же. С. 235.

¹¹ Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 86, 66–70.

Е. А. Колесникова

Сибирский государственный технологический университет, Красноярск

ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

«Словарный труд сродни искусству — он прорывает всякие пределы возможного, он требует художественного восприятия. С полным правом лексикографию можно назвать искусством — искусством сотворения словарей (*ars lexicographica*)»¹. Трудно не согласиться с этими словами известного лингвиста.

Одной из характерных черт современной лингвистики и культуры в целом является осознание важности словарного дела.

Особую значимость сегодня приобрели проблемы метаязыка лингвистики. В XX в. чрезвычайно увеличилось количество лингвистических школ и направлений, и как следствие колоссально выросло количество и разнообразие лингвистических понятий и терминов. Несмотря на то, что число лингвистических словарей все время увеличивается, до сих пор нет книги, которая представляла бы в сколько-нибудь полном и вместе с тем обозримом виде метаязык русского языкознания прошлых эпох. Исследование истории терминологий дает возможность проследить за ходом развития научной мысли. Х. Касарес писал: «В настоящее время является аксиомой для всех, кто занимается каким-нибудь разделом лингвистики — фонетикой, семантикой, лексикографией,